

Вдетстве Алёша часто болел. Даже летом иной раз на неделю-другую мальчика укладывала в постель жестокая простуда. Опасаясь осложнений, его подолгу держали в кровати. Да и сам он особенно не спешил вставать: читал, рисовал и думал. Отец с матерью любили Алексея чуткой любовью пожилых родителей. Когда они поженились, то уже не надеялись иметь детей. Но появилась сначала дочь, потом сын, и любые детские болезни вызывали самые бурные переживания. Лето семейство Бахиревых, спасаясь от жары и тесноты коммунальной квартиры, проводило на даче у дальних родственниц, одиноких бездетных старушек-сестёр. В маленькой проходной комнате, где спал Алёша, было душно и тесно от старинных чудных вещей: настенных часов, мебели, изящных фарфоровых чашек, куколок и собачек за стёклами буфета. Комнату освещала бронзовая лампа с оранжевым шёлковым абажуром, но более всего мальчику нравились картины, украшавшие дом.

Дорога в сосновом бору манила куда-то, исчезая за поворотом... Озеро, окружённое осенней дубра-

вой... И снова дорога, уже зимняя, вечерняя, ведёт через поле, через перелесок, к виднеющейся на горизонте деревне...

Алёша часами рассматривал картину напротив кровати. Август. Поле, убранное, уставленное стогами, далеко и полого спускалось вниз. За пожней виднелась зелень, и думалось, это овраг, заросший кустарником, по дну которого бежит ручей. А за оврагом снова желтели поля, поднимаясь, насколько хватало глаз. У самого горизонта темнела тонкая полоска леса. Небо, затянутое облаками, кое-где прорывалось синевой, и можно было почти физически ощутить этот сухой и жаркий пасмурный день. Алёша никак не мог понять, чем именно привлекала внимание эта картина. Немного потускневшие масляные краски, широкие свободные мазки, кое-где даже просвечивал грунт... Мальчик не разбирался в тонкостях живописи, просто от пейзажа веяло чем-то загадочным. Казалось, за горизонтом скрыта какая-то тайна, и её можно было узнать, только перейдя это поле, уставленное стогами. Вечерами на террасе родители и хозяй-

ки-старушки пили чай и вели разговоры. Алёша с детства любил эти неторопливые беседы пожилых людей, хотя многое в них не понимал. Говорили о давно умершем авторе этих картин, о самих полотнах, что были подарены по разным случаям близким и знакомым, о других людях, которых Алёша никогда не видел, но которые в разговорах оставались живыми и любимыми, о жизни и её неизбежной спутнице — смерти. Летний вечер длился нескончаемо долго. Через открытую дверь из запущенного сада тянуло свежестью и запахом цветов.

Алёша, засыпая под тихий разговор, пытался представить, что и его жизнь когда-нибудь закончится, но это было так далеко, что казалось неправдой, такой же недосыгаемой, как конец этого солнечного и ласкового лета. И только стога и сухое сжатое поле на картине напоминали, что август уже близок.

* * *

Здесь же на даче Алёша, тогда ещё совсем маленький, впервые испытал страх смерти. Родители, пользуясь гостеприимством хозяев, жили за городом до поздней осени. Незадолго до отъезда мальчик снова заболел. Глухой октябрьской ночью, лёжа в жару, он вдруг неожиданно ясно осознал, что жизнь имеет предел, что рано или поздно она закончится, и он уйдёт в кромешную темноту, ещё более беспросветную, чем эта ночь. Алёша заплакал. Мама проснулась и включила свет. Она подумала, что сыну плохо от простуды, долго и об-

стоятельно расспрашивала его. Алёша что-то отвечал, а сам больше глядел на картину со стогами. Отблеск настольной лампы не просто осветил, но оживил её. Казалось, стоит сделать шаг-другой — и можно оказаться в другом мире, светлом и радостном, где не будет страха смерти, а только вечная жизнь. «Идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная», — вспомнил вдруг Алёша слова, услышанные в церкви, куда его как-то привели родители. Но тогда он не понимал их значения.

* * *

Прошли годы. Алексей стал студентом. Как-то неожиданно быстро умерли престарелые родители, а потом и старушки-сёстры. Наследники поспешили продать дачу. Алексей приехал туда последний раз с маминной сестрой — помочь забрать кое-какие вещи на память. Стояла глубокая осень. Моросил дождь. Сад стоял голый и неуютный, дорожка от калитки до крыльца наполнилась водой. В доме также было холодно и сыро. Диванчик, на котором Алексей спал в детстве, покрытый газетами, хрупкими от пыли, казался теперь совсем крохотным. Не осталось ни часов, ни фарфоровых статуэток, ни бронзовой лампы. Но картины по-прежнему висели на стенах.

— Кому они нужны, — грустно сказала тётя. — Дóроги были они как память, люди умерли, и память вместе с ними.

Алексей увидел знакомое поле, уставленное стогами, и почти физи-

чески ощутил жаркий и пасмурный августовский день и колкую стерню под ногами. Он не удержался и снял картину со стены.

— Что ты там нашёл? — удивлённо спросила тётя, выбиравшая фотографии из большой жестяной коробки от печенья с надписью «Жорж Борман».

— Картину со стога́ми, — ответил Алексей.

— А, сто́ги, — нараспев, с ударением на первом слоге, по-старинному, повторила тётя. — Мы там ещё до войны жили.

И она назвала какое-то дачное место под Москвой. Алексей снова нестерпимо ярко представил себе этот день, маму с сестрой, молодых и весёлых, оживлённо беспечных, и художника, который вдруг остановился, прищурился, достал из кармана альбом и начал энергично на-

брасывать карандашом... А к вечеру картина уже была написана маслом, и автор, гордый, принимал комплименты и всё что-то подрисовывал, исправлял, подчищал.

— Здесь ещё церковь стояла, справа, у самого леса. Не знаю, почему её не нарисовал.

Алексею захотелось забрать никому не нужную картину. Но дом был уже совершенно чужим, и картина стала чужой. Он вдруг застеснялся и повесил картину на место. Быстро наступили сумерки. Надо было спешить на поезд. Когда они вышли из дому, дождь припустил ещё сильнее. Алексей подумал, что следовало бы одеть в дорогу резиновые сапоги, а не ботинки. И ещё ему стало грустно до боли. Он понял, что лучшая пора жизни прошла и больше не вернётся. Оборвалась последняя связь с миром, что окружал его в детстве.

После окончания института Алексей сразу же женился. Его избранницей стала некрасивая и совершенно бесцветная, но очень добрая и милая девушка. Не было ни бурных чувств, ни страстных ухаживаний. Просто он однажды понял, что не сможет жить без близкой и любимой, которой он дорог и которая будет дорога ему. Комнату в коммунальной квартире пришлось оставить сестре, тоже вышедшей замуж, и переехать к жене. Алексей, Оля и её мама стали жить втроём, в крошечной двухкомнатной квартире на окраине Москвы. Тёща, ещё нестарая и энергичная женщина, бесцеремонно вмешивалась в жизнь молодых. Она сразу же невзлюбила зятя — не за какие-то отрицательные черты, а просто по привычке. Она терпеть не могла мужчин, видела в них трутней, способных только пить, гулять и тратить домашние деньги.

Мужчин полагалось держать в ежовых рукавицах. Точно так тёща вела себя с двумя мужьями, оба в итоге сбежали, и вся нерастроченная энергия обрушилась на Алексея. Тёща сразу же поняла, что Алексей не способен ни сделать карьеру, ни заработать денег, ни даже дать отпор чересчур назойливым родственникам, и с первых дней не называла его иначе как тряпкой или простофилей. Алексей краснел и глупо улыбался, Оля просила его не обращать внимания, а по ночам тихо плакала, думая, что муж ничего не слышит. Несмотря на трудности, они очень любили друг друга. Оля родила двух дочек.

Им ещё хотелось детей, хотелось сына, но тёща сурово и категорично сказала: «Хватит», и они вынуждены были согласиться, потому что понимали, что им физически просто негде жить, а зарабатывают они слишком мало, чтобы купить квартиру. Алексей старался изо всех сил. Как инженер-химик он работал в большом научно-исследовательском институте, где делали новые краски. Его ценили, несмотря на то, что он довольно часто брал больничные или отпрашивался по домашним делам, и доверяли самые ответственные задания. Однако повышать в должности не спешили. Алексей не обижался, выполнял любую работу, а сам потихоньку собирал материал для будущей диссертации. Оля работала в издательстве корректором, и общего заработка хватало лишь на самое скромное существование.

Впрочем, тёща по-своему любила и дочь, и внушек. Она поддерживала молодых деньгами, а когда дети подросли, каждое лето снимала им дачу. Алексей скучал по семье, не пропускал ни один выходной день, а когда появлялась возможность, ездил за город и посреди недели, усталый, обвешанный сумками, но счастливый. Он помогал по хозяйству, занимался с детьми, а в понедельник рано утром торопился на работу в переполненной электричке, не выспавшийся, но полный радости и ожидания следующей встречи.

Один год дачу снимали по Казанской дороге. Лето выдалось жарким и сухим, и всё свободное время они проводили в лесу или на берегу

речки. Пасмурным и жарким днём Алексей с девочками забрёл вглубь леса. Настроение было грустным, потому что август подходил к концу, и предстояло возвращаться в Москву. Неожиданно густой ельник кончился, и они очутились на опушке, среди редких берёзок и дубков. Поле, уже убранное, уставленное стогами, далеко и полого спускалось вниз, до оврага, заросшего кустарником. А за оврагом поля снова поднимались, насколько хватало глаз. На небе, затянутом облаками, лишь кое-где прорывалась синева. А у самого горизонта темнела тонкая полоска леса и краснела колокольня полуразрушенного храма. Алексей сразу же вспомнил детство и старую картину. И ему непреодолимо захотелось идти этим полем до самого храма, зачем — он так и не мог объяснить себе. Но почему-то казалось очень важным идти вперёд, как будто это поле и полуразрушенный храм хранили важную тайну, которую следовало разгадать. Но дети устали, начали капризничать и наотрез отказались двигаться дальше, а потом и вовсе сели отдохнуть. Алексей думал, как уговорить девочек пройти ещё немного, но тут его мысли прервал дружный крик. Вся окраина поля была усыпана белыми грибами. Упругие и аппетитные, коричневые боровички там и здесь высывались из высохшей травы, толпились у стволов деревьев. Как на подбор молодые, с гладкими матовыми шляпками и крепкими в сеточку ножками, глубоко зарытыми в землю. О дальнейшей прогулке не-

чего было и думать. Всё дружно принялись собирать грибы. Сначала наполнили матерчатую сумку, которая случайно оказалась у Алексея. Потом девочки набрали полные подошвы платьев. И наконец, Алексею пришлось снять рубашку, завязать узлом рукава с воротником и доверху набить её белыми грибами. Неожиданная находка вызвала общий восторг. Грибы высушили, а из тех, что похуже — сварили суп. Даже тёща признала, что Алексею повезло, и вполголоса процедила: «Дуракам счастье». Алексей думал вернуться туда ещё раз. Но на другой день погода испортилась, зарядили дожди, всё живо собрались и уехали в Москву. Воспоминания лета быстро поблёкли, спрятались в самых дальних закоулках памяти. И только иногда, сидя за тарелкой вкусного грибного супа, Алексей вспоминал пасмурный августовский день и поле, уставленное стогами.

* * *

Однако в жизни что-то переменилось. Алексей стал задумчивым, порой в упор не слышал собеседника и отвечал невпопад. На работе его считали умным, но рассеянным чудачком, и за глаза посмеивались над ним. Но сам он этого не замечал. Теперь Алексей не всегда спешил домой. Иногда после работы он заходил в соседнюю церковь и тихо сидел на лавочке до конца службы или просто не спеша бродил по городу. Тёща заподозрила, что у зятя появилась новая женщина и несколько раз устраивала ему допросы с при-

страстием, но Оля совсем не ревновала мужа. Необъяснимым женским чутьём она понимала, что Алексея мучают какие-то мысли, что его лучше оставить в покое и не трогать, пока всё не разрешится само по себе.

Алексей стал жить в двух мирах. В одном он трудился на работе, писал научные статьи, готовил диссертацию, занимался домашними делами, играл с детьми. В другом — оставался погружённым в свои думы о смысле жизни, о той тайне, которую так хотелось разгадать. И снова вернулся знакомый с детства страх смерти. Он исчезал только тогда, когда Алексей оказывался в храме. Там было так приятно, спокойно и умирительно, что он не торопиться уходить после вечерней службы. Священник исповедовал прихожан, алтарники гасили свечи, матушка за ящиком у входа считала деньги и что-то записывала в толстую тетрадь. Можно было постоять перед закрытыми Царскими вратами, всмотреться в незнакомые лики икон. Много раз Алексей хотел подойти, поговорить со священником, но всякий раз какая-то сила останавливала его. Вернее, он просто не знал, что ему сказать. Алексей маялся и всё никак не мог уйти, пока сторожа не начинали запира́ть храм и бесцеремонно выгонять последних посетителей. Так не хотелось идти на улицу, в темноту, под осенний морозящий дождь, в подземный переход, заполненный неопрятными нищими и торговцами всякой всячиной. Впереди был долгий путь на метро, а потом — в переполненном автобусе, который приходилось битый час

ждать, ёжась от холода. А вечером Алексей допоздна сидел на кухне и корпел над текстом диссертации. Чтобы не шуметь, он ставил пишущую машинку на свёрнутое одеяло, но всё равно тёща просыпалась и выходила на кухню — поругаться с зятем, мешавшим ей отдыхать.

Тем не менее настало время, диссертация написана, всё формальности преодолены и Алексей получил желанную степень кандидата наук. На скромный банкет в отделе пришли всё заместители директора (сам глава института, как истинный небожитель, до таких мелочей не снисходил), пили за его здоровье и сулили самое блестящее будущее.

Алексей, немного пьяный от усталости и вина, смотрел на Олю. В некрасивом платье, с красными пятнами на лице от волнения, она казалась сегодня особо милой и желанной. Сейчас Алексей предельно остро осознал, что всё, совершенно всё в жизни, он, в сущности, делал исключительно для жены и детей. И теперь в ласковой полудрёме он мечтал, что в жизни теперь всё будет хорошо и впереди их ждут долгие и счастливые светлые дни.

А вечером тёща разносила пьяного Алексея и ругалась на дочь за то, что она столько потратила на такси. И действительно, первые месяцы казались днями непрерывного счастья. Долгожданная должность научного сотрудника и прибавка к окладу за учёную степень, казалось, навсегда избыли нищету. Оля купила новую одежду мужу и детям, кое-что из мебели и вещей. Но более

всего она мечтала о третьем ребёнке. Но она хотела не сына. По ночам ей часто снилась ещё одна дочка. С золотистыми волосиками, крохотная и ласковая, она казалась окружённой сиянием и ласково улыбалась. А Алексей стал всерьёз задумываться о покупке автомобиля и даже стал потихоньку откладывать деньги. Но времена внезапно переменялись. Начались реформы, и от видимости благосостояния не осталось и следа. Опять наступило хроническое безденежье. Мизерные сбережения быстро растаяли. Снова Алексею стало стыдно в дни полочки вытаскивать из кармана какие-то копейки, которых не хватало даже на молоко и хлеб. А потом и этих денег не стало — зарплату на работе перестали выплачивать. Оля опять тихо плакала по ночам. Она сделала аборт и теперь днём и ночью проклинала себя. Но девочка с золотистыми волосиками больше не приходила во сне.

Опять тяжкие мысли о смысле жизни заполнили душу. Но теперь Алексей верил, что просто надо любой ценой продержаться, и что тяжёлые времена рано или поздно пройдут. Пока Алексей мучился своими мыслями, его начальник и несколько наиболее предприимчивых сотрудников создали кооператив. Они изготавливали из отходов какого-то производства железные ограды, а потом покрывали их прочной краской, которая держалась несколько лет, не отваливаясь и не выцветая. Товар пользовался хорошим спросом, особенно на подмосковных кладбищах. Рецепт краски принадлежал Алексею,

поэтому, опасаясь скандала, его тоже позвали в кооператив, но поручили самую вредную работу — окрашивать готовые изделия. Впрочем, тяжело было всем: пока Алексей в респираторе и драном комбинезоне поливал из краскопульта очередное изделие, другие ребята во главе с начальником, надсадно ругаясь, вытаскивали из кузова грузовика тяжёлое железо, пилили его болгаркой и тут же варили электросваркой. В промёрзшем насквозь сарае стоял пар от дыхания, и согреться можно было только глотком-другим водки. Работали с раннего утра до глубокой ночи — институтское начальство смотрело на их отсутствие сквозь пальцы. От вредных паров респиратор не спасал, и к вечеру Алексей шатался как пьяный. Ребята шутили, что его краской можно травить клопов и тараканов, и предлагали открыть новый кооператив по дезинфекции квартир. Алексей отмалчивался, но в душе понимал, что такую работу он долго не выдержит. О больничном не могло быть и речи.

Однако каторжный труд давал реальные средства, а их требовалось всё больше и больше. Цены росли, дети готовились к окончанию школы, а тут ещё потребовались деньги на лечение тёщи. Теперь уже не было ни времени, ни сил думать о бренности жизни и о смысле своего существования. Вечером, пожевав что-нибудь без вкуса и удовольствия, Алексей мечтал только о том, как бы побыстрее добраться до кровати и закрыть глаза. Заработанные кооперативом деньги дели-

лись крайне неравномерно. Большая часть доставалась начальнику как организатору и нескольким его приближённым. Алексей время от времени думал выступить с требованием справедливости, но как обычно бывало с ним, робел и не решался ничего сказать. Его хватало только на то, чтобы несколько раз попросить у начальника денег. Тот молча выслушивал жалобы на большую семью, на тещу, на нехватку самого необходимого, а потом, оглянувшись, вытаскивал из пухлого бумажника несколько купюр покрупнее и отдавал их Алексею со словами: «Только никому не говори». Начальник при каждом удобном случае жаловался на дороговизну аренды, на цены, которые росли и росли, на взятки, что тянули все, кому не лень. И Алексей соглашался с ним, потому что сам видел всё это на каждом шагу.

* * *

Как-то осенней холодной порой вся бригада ехала по большому и выгодному заказу куда-то в сторону Рязани. Автомобиль — теперь кооператив купил собственный микроавтобус — был забит уже готовыми оградами, а между ними кое-как втиснулись ребята. Алексею досталось место у самого окна. С одного бока мешал краскопульт, с другой — бидоны с краской, но зато он мог любоваться на ноябрьский унылый пейзаж, окрашенный внезапно выглянувшим солнцем. Алексей сразу же узнал знакомую церковь. Она по-прежнему стояла полуразрушенная, краснела кирпичом, темнела

проемами окон. Стены были мокры от дождя, а на крыше росли уже большие берёзки.

Сразу же вспомнилось то счастливое жаркое лето, прогулки с детьми. Жизнь тогда казалась счастливой и бесконечной. Как всё это быстро прошло.

На глаза навернулись слёзы. Алексей долго смотрел на разрушенный храм, пока тот не скрылся за поворотом. Работы в этот день выдалось много. Предстояло обнести оградой семейное упокоение одного не очень удачливого коммерсанта, который вместе с родными принял кончину в криминальной разборке. Целый день ребята укрепляли столбы, приваривали к ним ограждение, монтировали калитку. Алексей покраской завершал работу. Он то и дело поглядывал на фотографии детских весёлых лиц на памятнике и думал, какой жуткий страх эти светлые души испытали в конце своей короткой жизни. Начало смеркаться. Ребята всячески торопили Алексея. Никому не хотелось возвращаться на другой день и доделывать работу.

Обратно выехали уже затемно. Сидений в кузове не было, и всё, измученные тяжёлой работой, свободно разлеглись на полу. Когда показалась церковь, в последних лучах заходящего солнца, Алексей спросил начальника, сидевшего за рулём, не может ли он остановить здесь машину:

— Могу, — угрюмо и устало ответил тот. — Но домой добираться будешь своим ходом.

Церковь снова скрылась за поворотом, и Алексей понял: он больше

никогда не увидит этот храм и поле
вдали, такое голое и унылое теперь.

* * *

Вскоре после этой поездки Алексей заболел. Сначала всё думали, что ничего серьёзного, но болезнь быстро брала своё, и Алексей стал завсегдатаем онкологического диспансера. Прошло более года. Наступило странное равновесие между жизнью и смертью. Лекарства не приносили существенного облегчения, а хорошие средства, которые настойчиво рекомендовали специалисты, были не по карману. Но Алексей упорно цеплялся за жизнь, шутил и даже старался что-то делать по дому. Единственное, утешала лечащая врач Оля, лечение позволит Алексею не мучиться, уйти спокойно, без болей.

Оля страшно переживала по поводу болезни мужа. Она бралась за любую работу, лишь бы достать необходимые средства на лечение: мыла полы на работе, вязала на заказ, сидела с чужими детьми по выходным. Но денег хватало только на самое необходимое. Теперь, когда была возможность, она заходила по вечерам или ранним утром в церковь, писала записки, ставила свечи. Но, к сожалению, никто не подсказал, что можно позвать священника домой, а ей самой это не пришлось в голову.

Наступило удивительно странное равнодушие к жизни. Сначала Алексей просто не верил в свою скорую кончину, настолько это казалось неожиданным, потом вернулся знако-

мый с детства страх смерти, а потом и он исчез, а вместо него пришло непонятное спокойствие. Вроде бы жизнь ещё продолжалась, но казалось, что родные и близкие становятся всё дальше и дальше, словно он уплывает далеко-далеко, откуда нет возврата.

Как-то заехали проведать сослуживцы. Алексей узнал, что кооператив прекратил существование. Зато его начальник стал владельцем небольшой, но преуспевающей фирмы, а приближенные к нему сотрудники — главными, коммерческими и просто директорами того же бизнеса. Сотрудники попроще — заняли должности рядовых менеджеров. А чёрную работу теперь делали приезжие из ближнего зарубежья. Сослуживцы привезли деньги, довольно крупную сумму. Алексей поблагодарил, а когда гости уехали, положил деньги на стол и забыл про них. Они уже ничем не могли помочь.

Алексей прилёт отдохнуть. Последнее время он всё больше лежал, даже днём. Пришла с работы тёща, затем жена. Дочки ушли в кино и ещё не возвращались. Оля заглянула в комнату и спросила мужа о самочувствии. Алексей ответил, что хочет спать, и Оля ушла на кухню готовить ужин.

Алексей слушал, как жена гремит посудой, как тёща пьёт чай, хрустя карамелью и печеньем. Внимание привлёк тихий разговор. Тёща говорила, что видела сегодня врача, что осталось уже недолго и что предстоят большие расходы. Оля тихо плакала, думая, что муж спит.

Алексей понял, что разговор шёл о нём. Мысли о смерти уже не пугали, но было обидно, что жизнь прошла так быстро и нескладно. До слёз стало жалко Олю и дочек, которым после его кончины придётся ещё труднее.

Он повернулся, прилёг поудобнее и вдруг ощутил себя совсем маленьким, на даче, жарким и солнечным летним днём. Тогда болезнь означала не конец жизни, а лишь несколько дней покоя и приятного времяпровождения. А теперь на улице стоял ноябрь, недавно выпал первый снег, но потом растаял, и за окном было сиротливо и сыро. В который раз вспомнилась картина из далёкого детства. Августовское поле, уставленное стогами. Овраг, заросший кустарником, с ручьём на дне. Поле — без конца и без края, до самого горизонта, где синела тонкая полоска леса. И физически ощутимый сухой и жаркий пасмурный день. И снова вспомнилась тайна, совсем близкая,

но которую Алексей так и не удосужился разгадать. Храм, до которого так и не удалось дойти. Алексею вдруг захотелось вернуться в начало жизни, но это было невозможно. И он заплакал от собственного бессилия.

Встревоженная, в комнату зашла Оля. Включила свет.

— Что случилось? — спросила она.

— Так, сон плохой приснился, — соврал Алексей.

Оля села рядом, взяла мужа за руку и прижала её к губам. Они молчали. Страх прошёл, опять наступило умиротворяющее спокойствие. Снова вспомнилось жаркое лето, дети, играющие в воде,

ощущение того, что жизнь прекрасна и бесконечна. Алексей понял, что, вернись он к истоку дней, скорее всего выбрал бы тот же путь: Олю, детей. Может, только меньше наделал бы ошибок. Зажжённый свет напоминал отблеск настольной лампы из детства. И уже не пугал другой мир, светлый и радостный, без страха смерти, наполненный вечной жизнью. И опять перед глазами промелькнуло детство, церковь, где он стоял с родными и слушал, как пожилой батюшка у канона служит панихиду: «Идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная», — вспомнил вдруг Алексей. И тихо задремал.

1 апреля 2017 г.